

Человек и кошка долго мерили друг друга взглядами. Пушистый хищник то и дело пытался вытянуть лапу, но Фан Чаоцы неизменно заставлял его отступить.

— Даже не думай трогать, понятно?

Когда белоснежный зверь наконец притих, Фан Чаоцы поднес единственный уцелевший золотой мандарин прямо к его мордочке и с предельно серьезным видом принялся за воспитание. В его взгляде сквозило напряжение. Он даже назвал кота полным именем:

— Фэйлянь! Смирно!

«Фэйлянь» — так звали этого огромного кота. Имя восходило к древнему поэтическому образу: «Взглянешь ввысь — тянется до самого неба, будто в облаках колыхается полоса белого шелка». Простыми словами — струящийся белый шелк. Для длинной, кипенно-белой шерсти кота и его утонченной, почти сказочной внешности это имя подходило идеально.

Фэйлянь был любимцем Фан Чаоцы.

В Великой династии Ци еще не существовало понятия «домашний любимец». Чаще таких животных называли «дрессированной живностью». Из этого увлечения даже родилось своеобразное уличное искусство, чем-то напоминающее цирковые представления. Дело в том, что жители Великой династии Ци ценили в питомцах не просто присутствие: для большинства истинным удовольствием было обучение и воспитание зверей.

Это называли обучением нрава.

Взять хотя бы страстного любителя голубей Шэнь-цзуна. Его увлечение выходило далеко за рамки простой заботы: император относился к птицам как к родным сыновьям. Пожалуй, им он уделял даже больше внимания, чем собственным детям. По крайней мере, наследникам он еду никогда не готовил, а вот голубям — собственноручно, никому не доверяя это дело.

Шэнь-цзун ухаживал за своими пернатыми с усердием заправского крестьянина. В обычной жизни он не жаловал ни физический труд, ни лишние телодвижения, но находил истинную отраду в ежедневных хлопотах: сам готовил птичий корм, кормил питомцев из рук, выпускал в небо и загонял обратно, терпеливо обучая их находить дорогу и разносить почту. В этом занятии он проявлял куда больше терпения и души, чем в воспитании отпрысков. Порой казалось, что он и вовсе лишился разума на этой почве.

У императора даже имелся особый серебряный свисток, который он тайком носил на шее, пряча под одеждами. Стоило раздаться свисту, как в вышине над временным дворцом на горе Фэнхуан взмывала стая белоснежных голубей с крошечными золотыми бубенчиками на лапках.

Птицы кружили в лазурном небе, оглашая воздух тонким перезвоном, и долго не желали возвращаться.

Шэнь-цзун искренне верил, что рано или поздно научит своих пернатых подопечных выстраиваться в воздухе ровными рядами, устраивая настоящие представления.

Предыдущие четыре правителя Великой династии Ци тоже имели свои пристрастия. Например, утонченный эстет Вэнь-ди обожал соколов и ястребов. Он великолепно рисовал хищных птиц, с поразительной точностью улавливая их повадки, движения и гордый взгляд. В его художественном наследии добрая треть свитков посвящена именно соколиной охоте, еще треть — Ше Цзе в самых разных возрастах, и лишь оставшаяся часть представляет собой другие работы. Сменивший его Жэнь-цзун питал слабость к попугаям, тогда как основатели династии, Тай-цзун и Тай-цу, души не чаяли в боевых конях.

Придворные и ученые мужи ничуть не отставали от государей. В те времена даже родилась поговорка «слива вместо жены, журавль вместо сына».

Словом, от мала до велика жители Великой династии Ци искали себе какую-нибудь отдушину. Без домашней живности чиновнику было трудно влиться в непринужденную беседу с коллегами после службы. Многие заводили питомцев исключительно ради того, чтобы не казаться белыми воронами, отчего это поветрие лишь крепло с каждым днем.

Фан Чаоцы держал Фэйляня отнюдь не из тщеславия или корысти.

Если разобраться, в самом начале их роли распределялись совсем иначе. Фэйлянь, будучи еще крошечным, едва смышленным котенком, сам нашел Фан Чаоцы и по-своему принялся «выхаживать» его. С тех пор минуло десять лет, но их привязанность друг к другу оставалась неизменной.

Фэйлянь приблизился к золотому мандарину, понюхал его влажным носом и протяжно мяукнул, словно давая понять, что урок усвоен.

Только тогда Фан Чаоцы удовлетворенно кивнул и, вернув лицу привычное бесстрастное выражение, позвал Люлана, велел принести для кота целую тарелку обычных мандаринов. В глубине души он все еще сомневался в послушании питомца и решил удовлетворить его любопытство сполна, дабы тот раз и навсегда забыл о заветном плоде. Сам же Фан Чаоцы собирался еще немного полюбоваться золотым мандарином Цзянси, а затем спрятать его подальше.

Кот и впрямь проявил куда больше интереса к высившейся горке свежих плодов. Есть он их не стал, но принялся кружить вокруг оранжевой пирамиды, словно бдительный страж у золотой горы, время от времени требовательно мяукая в сторону хозяина.

Для кота десятилетний возраст — почтенная старость, однако Фэйлянь сохранял завидную

бодрость духа и неистребимое любопытство ко всему на свете. Едва они перебрались в Цзянцзо, как он, не зная страха и стеснения, повадился бегать по крышам в соседнюю усадьбу, чтобы понаблюдать за наследником Ше. Стоило ему почуять тонкий аромат того самого мандарина, как он сразу признал в нем соседское подношение.

Пока Фэйлянь был увлечен своей мандариновой горой, Фан Чаоцы от греха подальше велел смышленому слуге унести золотой мандарин Цзянси из комнаты. Осторожность не бывает лишней.

Убедившись, что все в порядке, он вернулся к государственным делам.

И хотя Шэнь-цзун даровал чиновникам временный отдых, у Фан Чаоцы забот хватало. Ему предстояло составить послание для Великой старшей принцессы-покровительницы государства, разузнать последние вести с фронта, а также подготовить почву для укрепления влияния вдовствующей императрицы Не и ее новорожденных императорских детей.

После зловещего знамения противостояния Марса созвездия Скорпиона ни проявленное императором милосердие, ни объявленная им всеобщая амнистия не возымели действия.

Ныне простой люд по всей стране винил в северо-западных беспорядках небесную кару. Поговаривали, будто Небо отвергло запоздалое покаяние Шэнь-цзуна, оттого и бедствия после дурного предзнаменования хлынули безудержным потоком.

Доверие народа к правящему монарху было подорвано окончательно. Впрочем, мало кто — включая самого Шэнь-цзуна — по-настоящему пекся о его возвращении.

С другой стороны, на фоне бесконечных промахов нынешнего государя любой разумный шаг по возвышению преемника мог мгновенно превратить того в глазах подданных в долгожданного спасителя — совсем как покойного Вэнь-ди, о безвременной кончине которого до сих пор сокрушалась вся империя.

Весть о том, что вдовствующая императрица Не разрешилась от бремени двойней, пока держалась в строжайшем секрете. Разумеется, придворные молчали вовсе не из желания уберечь чувства наследника Ше — просто каждый, в чьей голове имелась хоть капля разума, понимал: для подобного известия нужен подходящий момент.

Какое же время сочтут идеальным?

Очевидно, то, когда придут добрые вести с фронта. Будет лучше всего объявить о рождении оставшихся после Вэнь-ди принца и императорской принцессы в один день с вестью о крупной победе войска Великой старшей принцессы-покровительницы государства. Тогда же можно будет объявить вторую за полгода амнистию, вдохнув новые силы в увядающий дух измученной войной страны.

Великая старшая принцесса-покровительница государства не жалела сил ради достижения этой цели. Еще до того как Фан Чаоцы вызвался сопровождать вдовствующую императрицу Не в Цзянцзо, ее высочество начала расставлять фигуры на этой шахматной доске. Плоды ее замыслов должны были созреть со дня на день.

Когда Фан Чаоцы наконец оторвался от бумаг, Фэйлянь в просторном, заставленном шкапами кабинете уже не было. Будучи котом своенравным и независимым, он не терпел ограничений, и Фан Чаоцы никогда не неволил его. Белоснежный любимец вел весьма размеренную жизнь почтенного горожанина: уходил на прогулку поутру и неизменно возвращался к ужину.

Вскоре у порога послышался легкий шорох. Фэйлянь бесшумно возник в дверях, держа в зубах подозрительно знакомый круглый плод — гладкий, блестящий, точь-в-точь золотая бусина. Кот замер, бросив на хозяина долгий, исполненный лукавства взгляд.

Лицо Фан Чаоцы мгновенно потемнело. Из-за того что половина плода скрывалась в кошачьей пасти, разглядеть детали было трудно, но сама вызывающая поза Фэйлянь не оставляла сомнений: этот негодник ухитрился отыскать и стащить заветный золотой мандарин Цзянси, который ему строго-настрога запретили трогать!

Фан Чаоцы с трудом сдержал рвущийся наружу гнев и грозно прошипел:

— Фэйлянь!

Кот издевательски мотнул головой и припустил прочь. Фан Чаоцы, позабыв выпустить из пальцев кисть, бросился в погоню. Человек и кошка вихрем пронеслись по крытым галереям усадьбы и вылетели за алые ворота. Фэйлянь бежал стремительно, но всякий раз, оторвавшись на приличное расстояние, притормаживал и с самым невозмутимым видом поджидал хозяина. Убедившись, что погоня продолжается, он вновь срылся с места.

Зверь явно забавлялся, водя Фан Чаоцы за нос.

Однако молодому чиновнику было совсем не до шуток.

В соседней усадьбе наследник Ше, увлеченно игравший в судебного комиссара, уловил доносившийся из-за стены шум. На миг его охватило любопытство. Пусть за стеной жил ненавистный Фан Чаоцы, суeta у соседей казалась крайне заманчивой. Уж точно веселее, чем разбирать выдуманные тяжбы.

Вскоре крики затихли, и на соседском дворе воцарился покой. Было неясно, изловили ли наконец упрямого зверя или Фан Чаоцы действительно помчался за ним на улицу, презрев собственное достоинство.

Ше Цзе склонялся к первому варианту.

«Этот пижон ни за что бы не опустился до подобного позора на глазах у честного люда, — размышлял он. — Какую бы драгоценность ни утащил его кот, приличия для него важнее»

Однако уже во второй половине дня наследника Ше ждало жестокое разочарование.

Фан Чаоцы действительно бросился наперерез коту, нимало не заботясь о пересудах прохожих. Он не просто догнал Фэйляня, но и вернулся, бережно держа в ладонях какое-то существо. Это был крупный попугай в кипенно-белом оперении, похожем на снежные одежды. Прижимая птицу к груди, Фан Чаоцы уверенно переступил порог усадьбы Ше. Следом за ним, понутив голову, шел притихший Фэйлянь. Во рту у кота мандарина уже не было.

— Эр-е?! — ахнул Ше Цзе, мгновенно узнав птицу.

Ошибки быть не могло: перед ним был его названный брат!

В детстве Ше Цзе отличался изрядным самолюбием. Он завидовал старшему брату-императору, у которого был такой чудесный младший брат, как он сам, и отчаянно желал завести себе кого-то похожего. Великая старшая принцесса-покровительница государства, устав от капризов сына, в конце концов подарила ему белоснежного какаду, велев считать птицу названным братом.

Поговаривали, будто родители этой птицы совершили невероятное путешествие: они тайком проникли на торговый корабль Великой династии Ци и переплыли бурные южные моря. Судно везло во дворец заморские диковины и невиданных зверей, среди которых были даже слоны. К несчастью, в пути разразился мор. Почти все дикие твари погибли или покалечились, и лишь чета какаду уцелела, да еще и принесла здоровое потомство прямо в трюме. Эта история наделала много шума, и местные чиновники поспешили переправить чудесных птиц в императорский дворец.

Правящий тогда Жэнь-цзун, пораженный стойкостью заморских пернатых, подарил одного из птенцов своей старшей сестре в знак пожелания долгих лет жизни.

Сама Великая старшая принцесса-покровительница государства к забавному созданию, умевшему лишь подражать человеческому голосу, осталась равнодушна и без особого интереса держала птицу на заднем дворе. Вспомнила она о ней лишь тогда, когда сын в очередной раз принялся кланчить братишку.

Какаду в ту пору был совсем крошечным, ладным и на редкость смышленным. Он схватывал новые слова на лету, соперничая в искусстве подражания с лучшими актерами уличных балаганов.

Ше Цзе полюбил его с первого взгляда и нарек Вторым братом.

В императорском роду к близким родственникам мужского пола было принято обращаться уважительно, вне зависимости от старшинства. Так, в поколении Великой старшей принцессы-покровительницы государства ее саму величали Старшей сестрой, Жэнь-цзуна — Вторым братом, а Шэнь-цзуна — Младшим братом. Принцесса тоже называла их исключительно братьями, избегая фамильярного обращения «младший».

Поскольку Ше Цзе оставался единственным молодым господином в резиденции, его названное братство с попугаем забавляло принцессу. Слуги, разумеется, перечить не смели, но и звать птицу «Вторым братом» им не позволялось по статусу. После долгих шутливых споров челядь сошлась на уважительном прозвище Эр-е, которое звучало и весело, и в меру иронично.

Со временем прозвище прижилось настолько, что сам Эр-е перестал откликаться на прежнее «Второй брат», требуя должного почтения.

Птица, которой следовало находиться в далекой столице Юнцзи, предстала пред ним здесь, в Цзянцзо, едва дыша от усталости.

И спас ее не кто иной, как Фан Чаоцы.

В этот миг на душе у Ше Цзе воцарилось полное смятение.

<http://bllate.org/book/19472/1998899>